
ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

УДК 340

ДИАЛЕКТИКА ЗАКОННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

© 2025 г. А. А. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: artem.199417@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2025 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблематика диалектики законности, выступающей надлежащей основой для понимания и трактовки сочетания в ней отвлеченно-смысловых и реально-вещественных (образных) характеристик. При таком подходе вносятся существенные уточнения в представления о законности как фундаментальной правовой идее, которая на разных уровнях своей иерархичности (внутренней и внешней) сопровождается важными моментами и релевантными признаками. Опираясь на достижения русской философской традиции, автором продемонстрированы возможности рассмотрения законности как идеи с точки зрения ее выражения в реальности и относительно влияния различных доминант внутреннего и внешнего характера. Это позволяет определить роль схематизма, иллюстративности, а также возможности достижения сбалансированного соотношения отвлеченно-смысловых и образных моментов законности. Предложенное понимание диалектики законности позволяет существенно пересмотреть эффективность и познавательный потенциал различных интерпретаций идеи законности в политико-правовых доктринах прошлого и современности, выявить своеобразие и место соответствующих трактовок в эволюции представлений о базовых юридических проблемах, таких как законность, правопорядок, правовая система и др. В статье также показано, что актуальные направления анализа законности в зарубежной литературе фокусируются на вопросах, которые уже имели место в юридических исследованиях прошлого, особенно в отечественной философско-правовой литературе.

Ключевые слова: законность, диалектика, легитимность, правопонимание, естественное право, юридический позитивизм, идея права, философия права, плановая теория права, история политико-правовой мысли.

Цитирование: Савенков А. А. Диалектика законности в современной политико-правовой мысли // Государство и право. 2025. № 3. С. 49–57.

DOI: 10.31857/S1026945225030044

THE DIALECTIC OF LEGALITY IN MODERN
POLITICAL AND LEGAL THOUGHT

© 2025 A. A. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: artem.199417@yandex.ru

Received 06.03.2025

Abstract. The article examines the problems of the dialectic of legality, which serves as an appropriate basis for understanding and interpreting the combination of abstract semantic and real-material (figurative) characteristics in it. This approach introduces significant clarifications to the idea of legality as a fundamental legal idea, which at different levels of its hierarchy (internal and external) is accompanied by important points and relevant features. Based on the achievements of the Russian philosophical tradition, the author demonstrates the possibilities of considering legality as an idea in terms of its expression in reality and the influence of various dominants of an internal and external nature. This allows us to determine the role of schematism, illustrativeness, as well as the possibility of achieving a balanced ratio of abstract semantic and figurative aspects of legality. The proposed understanding of the dialectic of legality makes it possible to significantly review the effectiveness and cognitive potential of various interpretations of the idea of legality in the political and legal doctrines of the past and present, to clarify the originality and place of the corresponding interpretations in the evolution of ideas about basic legal issues such as legality, law and order, the legal system, etc. The article also shows that current trends in the analysis of legality in foreign literature focus on issues that have already taken place in legal studies of the past, especially in Russian philosophical and legal literature.

Key words: legality, dialectics, legitimacy, legal understanding, natural law, legal positivism, idea of law, Philosophy of Law, planned theory of law, history of political and legal thought.

For citation: *Savenkov, A.A. (2025). The dialectic of legality in modern political and legal thought // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 49–57.*

Проблематика законности (легальности) была и остается сквозной для юридической науки темой, повышенный интерес к которой обуславливается возрастающими требованиями общественного развития, усложнением технологических и управленческих процессов, ростом социальных ожиданий, трансформацией условий и факторов индивидуального и группового общения и взаимодействия. Несмотря на внешне формализованную характеристику законности в ряде популярных юридических концепций, прежде всего легистского толка, сводящую законность к исполнению законов (в широком смысле слова) и тем самым часто искусственно редуцирующую ее до уровня внешнего по отношению к адресату приказного воздействия, на самом деле ее смысловые характеристики, идейное содержание и социально-практическое назначение охватывают значительно более сложный комплекс вопросов как теоретического и методологического характера, так и социально-политического и идеологически-культурного. Законность в условиях распространения и влияния различных политико-правовых доктрин, социально-философских концепций, представлений о способах обустройства правового порядка будущего демонстрирует крайне разнообразные и существенные моменты, не охватываемые в полной мере ни одним ее каким-то истолкованием или традиционно выделяемым набором признаков¹.

Актуальность и востребованность современного монографического исследования проблемы законности с точки зрения уяснения направлений ее трактовки и смысловых характеристик, высказанных в различных подходах к разработке основных

категорий теории права, сравнения теоретических интерпретаций в зарубежной и отечественной юридической литературе, выявление ее назначения в современном обществе, включая различные типы правового регулирования, понятийный язык правовой теории и отраслевых юридических наук, а также связи с юридической практикой продиктованы рядом моментов.

Понятие легальности (законности) относится к основополагающим элементам предметного поля и словаря юридической науки². Его смысловые характеристики обуславливаются представлением об установленном порядке регулирования взаимоотношений людей и их коллективов, деятельности органов государства. Именно идеальное представление о праве или законе дает возможность их целостного восприятия как единого объекта познания. В этом заключается бесспорная заслуга идеализма как метода философии, не говоря уже о разработке идеализма как направления философии. Классик идеалистической философии Г. Гегель писал: «Философская наука о праве имеет своим предметом идею права – понятие права и его осуществление <...> Единство наличного бытия и понятия, тела и души, есть идея. Она есть не только

¹ См.: Горбань В. С. Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний // Государство и право. 2024. № 7. С. 64–78.

² См.: Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Казань, 1897; Алексеев В. П. Борьба за идею законности в Московской Руси. М., 1909; Лукашева Е. А. Правосознание и законность в социалистическом обществе (Идеологические и социально-психологические факторы обеспечения законности): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973; Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права / под ред. М. И. Байтина. Саратов, 1983; Пиголкин А. С. Право и законность в советском обществе. М., 1971; Ковалев В. А. Буржуазная законность: теоретические иллюзии и судебно-полицийская реальность. М., 1986; Социалистическая законность и государственная дисциплина / отв. ред. В. Н. Кудряев. М., 1975.

их гармония, но и полное взаимопроникновение. Ничто не живет, что не было бы каким-нибудь образом идей. Идея права — свобода, и подлинного ее понимания мы достигаем лишь тогда, когда познаем ее в ее понятии и его наличном бытии»³. Справедливость этого утверждения на примере анализа цивилизационного пространства России в условиях сегодняшнего развития философско-правовых исследований подчеркивает член-корр. РАН А. Н. Савенков: «В современной литературе часто встречаются попытки представить философию права в довольном произвольном виде, ориентируясь на дискурсы, аргументы и другие аналогичные средства, а принципиальное единство философско-правовых знаний игнорируется как момент всеобщего, что с трудом уживается с крайне либеральными взглядами. Однако из истории правовой мысли хорошо известно, что реальное развитие юридической науки связано с пониманием права как идеи»⁴.

В юридической газете «Право», которая издавалась в конце XIX в. под редакцией и с участием таких известных юристов, как В. М. Гессен, В. Д. Набоков, Л. И. Петражицкий и др., была опубликована примечательная статья, авторы которой подчеркивали: «Основным условием здоровья всякого общественного организма, какова бы ни была его индивидуальная структура и прочие условия его жизни, является наличность и неуклонное действие права, ясно и определенно указывающего каждому члену общества его обязанности и права и гарантирующего их осуществивши. Это — такая аксиома...»⁵.

С идеалистической точки зрения законность пребывает некоей заданностью, отвлеченной идеей, априорным смыслом, элементом «плана» природы или космологического, теократического и иного понимания источника мироустройства, в том числе в делах политических и общественных. Речь не идет о том, что именно идеалистическое понимание права и закона дает искомое веками верное их понимание. Однако именно оно является определенным и наиболее значимым выражением образа мыслимой целостности объекта познания. Материалистическая или эмпирическая точки зрения дают основания для выводов из наблюдения за природой, в том числе во взаимоотношениях людей. Они ставят вопрос не столько о законности как идее, сколько о законности как фактической закономерности. Идея в данном случае представляет собой лишь продолжение

материального или эмпирического базиса, отражение его состояния. Оба ракурса восприятия законности важны для более или менее полного понимания изучаемого объекта — законности как элемента различных типов анализа права. В исторической ретроспективе и идеалистическое, и материалистическое представление о праве и законе остаются лишь сменяющимися друг друга парадигмами, которые в основном дополняются разнообразными уточнениями, модификациями, сочетаниями. Даже в попытках философов и юристов последних полутора столетий выйти за пределы антиномии идеализма и материализма на самом деле видятся лишь призывы к конвенциональному (согласительному) пониманию аргументов сторон, как не имеющих однозначного разрешения, а потому для экономии мышления они могут рассматриваться как инструменты описательно-феноменологического подхода к любому релевантному вопросу, в данном случае о природе и характере законности.

Известный русский и советский философ А. Ф. Лосев, один из лучших в мировой литературе знатоков античной философии и эстетики, писал: «Выбросим идею из реальной вещи: в ней не останется ни одного существенного для нее признака. Можно ли будет в таком случае утверждать, что эта вещь есть действительно реальная вещь? Итак: или вещь, реальность, материя — включают в себя несводимую на них идею, вне-вещественную, вне-реальную и вне-материальную; или не существует никакой вещи, никакой реальности, никакой материи»⁶.

Законность как идея есть своего рода необходимое условие для логически корректного представления о ней как целостном феномене или явлении. В противном случае мы должны были бы согласиться с требованием тех ученых, которые лишь условно употребляют этот термин для обозначения широкого круга множества психологически или социологически фиксируемых феноменов. В последнем случае использовался бы дескриптивный подход к пониманию законности, описательный, указывающий лишь на многообразии релевантных объектов, определяющим для которых будет не единство и общность существенных признаков и соответствующего понятия, а некая другая, находящаяся за пределами данной науки величина или характеристика, которая данной науке предлагает всего-навсего возможность быть вспомогательным средством для описания и вероятной классификации.

Даже в том случае, когда юридическая наука ориентируется на эмпирические методы и видит себя вариантом позитивистского понимания

³ Гегель Г. Соч. / под ред. А. Деборина и Д. Рязанова. М. — Л., 1934. С. 23, 24.

⁴ Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 10.

⁵ Идея законности // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1899. № 49 (28 нояб.). Стб. 2299–2306.

⁶ Лосев А. Ф. Диалектика мифа; Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001. Т. 130. С. 153, 154.

познания, идея законности остается все же некоей необходимой основой рациональной аргументации, без которой теряется возможность понимания как такового, девальвируется образность мышления. Поэтому в различных вариантах представления о праве, законе, законности и правопорядке считывается и распознается отсылка к ним как целостному образу, даже если и символическому, который лишь выступает отражением некоей идеальной реальности, недоступной эмпирическому познанию.

По существу, обсуждая проблематику законности как идеи, следует различать ее внутреннюю (собственно идея) и внешнюю (образ) сторону. Первая выражает саму мысль о законности, ее внутренний смысл, правовой характер, законность как отвлеченность — ее отвлеченно-смысловая сторона. Образ законности — это ее овеществление, реализация, внешняя сторона. Иными словами, в законности, равно как и в идеях права и закона в целом, следует различать идеально-смысловую сторону и образно-вещественную, действительную, реальную. Причем они имеют разные уровни структуры, иерархичности, отражающие разные качества идеально-смыслового и реально-вещественного. Философское понимание данного вопроса подсказывает использование термина «слои», который наиболее точно выражает разнобразные существенных моментов соответствующего понимания. Понимание права, закона или законности как факта или явления внутреннего следует отличать от другого слоя, когда речь идет о понимании их как идеи или смысла внутреннего; аналогичным образом понимание законности как факта или явления внешнего следует отличать от идеи или смысла внешнего. Отношение внутреннего и внешнего, различные аспекты их иерархичности являются, по сути, основой для философского и научного анализа. В различных вариантах трактовки права момент законности может мыслиться как идея, которая находит себе схематическое, отдельное или полное воплощение, выражение в реальном образе законности. Напротив, сам образ, реально-вещественный, законности всегда находится в определенном отношении к ее внутренней, идейно-смысловой характеристике.

Поэтому к законности прилагаются такие различные характеристики, как принцип, режим, чувство, состояние, политика и др. Законность не бывает пустой, так сказать, плоской, лишенной отчетливой связи с конкретным ее осуществлением. Она всегда законность от чего-то, от того, что смыслообразуется в прилагательном «законный», которое есть признак, атрибут, выполненность, ответственность, соразмерность. Она есть правовая законность, справедливая законность, конституционная, материальная, процессуальная,

национальная и даже международная, буржуазная, социалистическая и т.д.

Например, если мы возьмем конкретную национальную правовую систему и практику, попытаемся дать какую-то характеристику с точки зрения законности, то возникает сложный вопрос о том, насколько идея законности как момент внутреннего оказывается воплощенной в действительности. Такая характеристика может ориентироваться на общие мнения в литературе, на реальную статистику, юридическую практику, аналитические материалы, связанные с нарушениями отдельных прав, средства массовой информации, политические лозунги и т.д. В итоге все же имеем определенный момент образа и его отношения к внутренней отрешенной, идеально-смысловой стороне. Во-первых, возникает представление о полноте характеристики законности. Во-вторых, появляется суждение о том, как связана идеально-смысловая характеристика законности с тем, что фиксируется в образе. Она привносит схематическую связь, вносит схематизм законности в реальную действительность, которая этим качеством не обладает, выражает ее какую-то существенную грань (можно показать отдельные примеры судебных ошибок, но в то же время можно показать количество дел, преследование по которым обеспечило настоящую защиту прав и интересов граждан). Но в таком случае следует признать, что законность есть всегда что-то внешнее по отношению к действительности, что ее элементы представляют собой некие не имеющие внутреннего смысла компоненты. И законность как бы чисто механически создает определенную искусственную связь, схему, по которой уже судят о наличии или отсутствии законности. Внутреннее при таком подходе довлеет над внешним и становится для последнего необходимым методом осмысления.

Другой подход означает обратное соотношение, когда, напротив, образ становится более наглядным и живым, полнее и интереснее демонстрирует внутреннее, чем сама идейно-смысловая сторона. В данном случае образ законности как бы аннулирует ее идею, когда эмпирический уровень выступает своего рода иллюстрацией невыраженной до конца идеи. Здесь проявляется неравновесность отношения внутреннего и внешнего. Внешнее — образ законности — все же указывает на некую отвлеченную идеально-смысловую идею, но она вовсе не оказывается выраженной, показанной в полной мере. Образ в данном случае выражает чистую отвлеченную идею законности, не переводя ее целиком в образ. При таком подходе видимая действительность часто объясняется какими-то другими явлениями, значениями и смыслами, которые указывают на другую отвлеченную идеальную действительность, утрачивая связь с той

реальной действительностью, которую выражает образ. В этом случае часто под законностью понимается нечто совершенно несоответствующее, что находится в другой действительности, отвлеченной от того непосредственного, что в ней заключается. За каким-то одним решением видится образ грубого нарушения прав и свобод, вместе с тем то положительное, что может быть заключено в целом комплексе других решений и событий, совершенно не замечается. Напротив, в некоей общей картине о признании индивидуальных прав и свобод человека видится как будто бы выражение подлинной идеи законности, общего состояния правопорядка и правовой жизни. Однако на самом деле иллюстративный образ вовсе не отражает полностью идеально-смысловую характеристику законности.

Наконец, третий тип выраженности и соотносительности идеи и образа законности характеризуется тем, что в нем идеально-смысловая отвлеченная сторона законности соответствует ее реально-вещественной, действительной, идея и образ оказываются наиболее полным и равновесным сочетанием законности. Это есть настоящее подлинное выражение идейно-смысловой стороны законности в ее реально-вещественном образе.

В большинстве случаев при анализе законности используется именно второй подход, когда иллюстративность доминирует над идейно-смысловой характеристикой. Такой вариант отношения к законности был и остается одним из самых распространенных, но вместе с тем самым недостоверным и ошибочным.

В идее законности мыслятся связи с порядком, закономерностью, равновесностью, необходимостью, целесообразностью, нормативностью и пр. Идея законности тесно связана с представлениями о праве и законе, но в то же время отличается от них. Она включает в себя и их осуществленность, воплощенность в действительности. Для теологических представлений древности идея порядка и законности есть задача, сообщенная богами и воплощаемая усилиями правителя. В доктринах естественного права законность выполняет роль показателя воплощенного требования природной (естественной) справедливости. В ориентированных на отрицание надпозитивных правовых начал представлениях законность сама является своего рода фетишем, условием реальности права, его пределами, так как любая мыслительная операция о праве зависит от постулирования идеи порядка, который сам по себе и есть то, что конституирует понимание права. В последнем случае неважно, какое право, какие в нем выражаются принципы и ценности. Важно лишь постоянное следование идее порядка: логического и фактического, так как он и есть главная ценность. Все, что

соответствует процедуре, иерархии, и есть право (удачное или неудачное, правильное или неправильное — неважно). Поэтому законность в таком случае становится самодостаточным элементом, основой понимания права, а порядок как определенная соотносительность и дает разнообразие вариантов интерпретации права.

Очередной расцвет юридико-позитивистских концепций правопонимания в XX в., особенно во второй половине этого периода, демонстрирует, что законность не просто остается атрибутом каких-то прежних формальных подходов к праву, но почти что неисчерпаемым источником для самых разнообразных построений в философии права, теории государства и права, а также смежных областях знаний, особенно в социологии права, психологии права. Причем зачастую законность редуцируется до формальности, пусть даже необходимой, но все же закономерности, которая отражает важность упорядоченности. Поэтому за ней, как правило, следует определенное уточнение, указывающее на то, какую образующую тот или иной тип порядка формулу, набор ценностей, условных сигналов и т.п. будет выражать инструментально базовая идея законности, например, в виде идей либерализма, демократии, предельности, гражданского несогласия и др. Поскольку значительная часть всего спектра современных юридических концепций опирается на разнообразные установки релятивизма, но не отваживается прямо отстаивать проблему правозаконности или справедливой законности, свойственную скорее естественно-правовому типу правопонимания или либертарно-юридической концепции акад. РАН В.С. Нерсесянца⁷, то отношение к законности приобретает парадигмальный тип, т.е. мыслится и осмысливается не в виде объективной проблематики, а в виде разделяемого в том или ином варианте парадигмы, например типа правопонимания, набора разделяемых «сообществом ученых» тезисов⁸.

Если для юснатурализма классического исполнения или либертарно-юридической концепции В.С. Нерсесянца проблемы соотносительности идейно-смысловых характеристик законности и ее реально-овеществленной образности носят скорее объективный характер, т.е. связаны с определенным типом объективной воплощенности, реализации сущности в тех явлениях, которые оказываются доступны умоглядному анализу и наблюдению, то в различных вариантах позитивистских ориентированных правовых представлений и близких к ним по характеру проблема выраженности идейно-смысловых

⁷ См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997.

⁸ См.: Кун Т. Структура научных революций: сб. / пер. с англ. М., 2003.

характеристик носит скорее субъективный оттенок присутствия, признания, разделяемости, легитимности. В таком случае проблема законности получает удвоенный эффект, момент двойной законности, законности-легитимности, социально-психологически легитимированной легальности. Легитимность может относиться к типам заместителей юснатуралистических компонентов, выступать своего рода формулой придания законности почти что естественного характера⁹. Такой вариант трактовки легитимности должен опираться на объективную понимаемую сущность права, в которой мыслится и собственное понятие права, и его самостоятельный характер. В литературе часто проблематика поиска и выражения объективной сущности права подменяется разнообразными релятивизмами, например, о совокупности текстов, о коммуникации, фактичности, непознаваемой в полной мере психологической природе, социальном мире, самораскрывающихся системах, новых типах органической связи, об онтологических регионах, о непознаваемости и объективной редуцированности и т.п. Они выражают определенный угол зрения, так сказать, подсвечивать познаваемый объект, но проблему права часто оставляют за скобками, поскольку отражают определенную устойчивую тенденцию скептицизма и неуверенности в познавательных возможностях современной науки в целом и теории права в частности.

В итоге, принимая во внимание ценность законности как идеи и ее действительности, следует отметить, что она предполагает все же полноту диалектического своего развертывания, не отдельных принципов и признаков, не отдельных моментов и смысловых оттенков, а всех ее принципов вместе взятых. Только тогда мы получаем тот уровень законности, который соответствует как ее отвлеченно-идеальному смыслу, так и полноте ее предметно-вещественного осуществления (выражения) в образе. Добиться такого понимания и выражения законности весьма трудно. Однако теория права не может не стремиться к этому. И в этом смысле различные интерпретации законности служат импульсами и вариантами дополнения законности как единой целостности.

Законности могут придавать формальное значение, внешней законосообразности, закономерности, ритуальности. Такая точка зрения была и остается довольно популярной. С этих позиций законность остается вне какой-то сущностной характеристики, а на первый план выдвигается ее

явленность, причем только формальная, но далеко не всегда полная, образная. Это довольно типичный способ представления законности в различных видах позитивизма, для которых доминирование явления над сущностью есть атрибут. Но и в других типах анализа, например при агностицизме, сущность оказывается в привилегированном положении над явлением. Для подлинного понимания законности необходимо единство сущности и явления.

В контексте приведенных соображений совершенно верную оценку законности дает В.Н. Синуков: «Законность не является изолированным феноменом в правовой системе. Она всегда есть контекст и прямой способ функционирования ведущих юридических явлений, юридического процесса, материальных правовых институтов. В правовой системе законность “рассредоточена” по всей структуре, обусловлена всеми ее элементами, олицетворяет собой специфический культурный режим, в котором протекает правовая деятельность данного народа. Поэтому обеспечение законности, надзор за ее реализацией предполагают в качестве исходного методологического условия выработку представлений о регулятивной и онтологической специфике правовой системы, структуре юридической деятельности, присущей данной форме национальной правовой идентификации. Все, что образует социокультурный контекст законности, должно быть первоочередным предметом анализа этого явления.

<...> К сожалению, сложившаяся в науке теория законности, — подчеркивает В.Н. Синуков, — носила и носит до сих пор ярко выраженный формальный характер, проявляющийся в формальном понимании законности (соблюдение и исполнение нормативных актов) и ее принципов (верховенство закона, единство законности на всей территории, сочетание законности и целесообразности и т.д.)»¹⁰.

Среди современных интерпретаций законности существуют представления о ней как теории права как таковой, о том, что она представляет собой способ рациональной либеральной аргументации, является парной категорией для демократии, стратегией социального планирования, а само право не что иное, как вид плановой деятельности человека и его коллективов и др. Так, например, между представлениями Р. Иеринга о праве как разумно понятой политике силы, первых советских правоведов о законности как плановой деятельности государства, законности как стратегии социального планирования

⁹ См.: *Winckelmann J.* Die Verfassungsrechtliche Unterscheidung von Legitimität und Legalität // *Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics.* 1956. Vol. 112. No. 1. Pp. 164–175.

¹⁰ *Синуков В.Н.* Российская правовая система: введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М., 2010. С. 506, 507.

американского правоведа С. Шапиро, работа которого написана столетие спустя после работ советских юристов, в общем-то небольшая разница, включая и размышления Л. И. Петражицкого о правно-политическом подходе в науке. Попытки определить законность как центральный момент целерациональной деятельности предпринимались многократно в истории политико-правовой мысли. Все эти подходы настаивают на том, что порядок и законность достигаются социально-политическими средствами. Для Р. Иеринга момент принуждения и победивших социальных (не классовых) интересов является частью представления о праве, когда оно берется только с формальной стороны, но для достижения правового состояния, строительства правового государства такой формальный подход, как уверял немецкий юрист, совершенно недостаточен¹¹. Если ограничиться только формальными моментами права, то так достигается определенный порядок, но не правовой, а деспотический. Для советских правоведов момент социального планирования представлялся необходимым условием понимания законности как средства обеспечения диктатуры пролетариата (победившего классового интереса). С. Шапиро явно использует формулы, пришедшие из политэкономии и марксизма, но пытается разъяснить их как то, что индивидуальное и коллективное планирование и есть само правовое регулирование или законность как таковая¹². Ранее Л. И. Петражицкий настаивал на том, что только правно-политическое понимание задач юриспруденции дает искомое верное представление о правильном движении человечества и возможности его сознательного ускорения политико-педагогическим воздействием права¹³. В каждом случае законность оказывается обязательным условием для достижения определенной цели: социальный или классовый интерес, христианская добродетель, либеральный прагматизм. Ошибка заключается в том, что «правильным» вариантом законности называется часто в упомянутых подходах достижение каких-то конкретных целей отдельных групп, идеологий, а не целей права вообще.

Так, например, если предположим, что теория законности С. Шапиро обозначает некий современный, прогрессивный и адекватный способ понимания, то в ней как раз есть некая новая трак-

товка хорошо известных идей о роли целерационального поведения в обществе и социальном планировании, но смысл права почти игнорируется. Работа американского правоведа познавательна с точки зрения попыток объяснить на примере англосаксонской ментальности, что законность может распознаваться с помощью социологических и экономических аналогий. Поэтому законность оказывается социально-экономическим образом или срезом функционирования правовой системы. По замыслу автора, все вопросы права в рамках его плановой теории можно вычислить, измерить, подсчитать с помощью конкретных социально-хозяйственных средств измерения¹⁴.

С. Шапиро – убежденный неопозитивист, но считает, что проблемы т.н. непозитивистских концепций (такой вариант употребления скорее характерен для иностранной, в основном англоязычной, литературы) могут быть решены с помощью плановой теории права, опирающейся на социологические аргументы. Понимание законов как планов, по мнению ученого, «не только подтверждает позитивистскую концепцию права, но и предоставляет убедительное решение... каким образом возможна законная власть»¹⁵. А само планирование основано на «нашей особой психологии»¹⁶. Согласно концепции Шапиро, если планирование, на котором строится вся деятельность человека и его коллективов, достигает определенного уровня сложности, то это означает возникновение своего рода запроса на использование соответствующих обстоятельствам сложных форм социального планирования. Эти обстоятельства называются «обстоятельствами законности» и порождают правовое регулирование. С. Шапиро пишет: «Правовые институты позволяют сообществам преодолевать сложность, спорность и произвольность общественной жизни путем решения тех социальных проблем, которые или совсем не могут быть решены, или могут быть решены только неправовыми средствами»¹⁷. Закон есть механизм социального планирования. Причем он позволяет так устроить социальное планирование, что в силу его определенности и прочности снижаются издержки и затраты на другие виды планирования, а потому правовые институты, согласно теории Шапиро, начинают восприниматься как необходимые или желательные¹⁸.

¹¹ См.: *Jhering R. Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / Erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904; Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации. М., 2018.*

¹² См.: *Шапиро С. Законность / пер. с англ. М., 2021. С. 215 и сл.*

¹³ См.: *Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб., 1908. С. 2.*

¹⁴ См.: *Шапиро С. Указ. соч. С. 215 и сл.*

¹⁵ Там же. С. 216.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 294.

¹⁸ См.: там же. С. 296.

Ссылка С. Шапира на некий имманентный моральный закон, без которого невозможно представить себе правовую систему и законность, оказывается совершенно неразъясненной. На самом деле она выступает в концепции Шапира лишь идеологической предпосылкой, которая сопровождается отождествлением морали и социальной полезности. Следует отметить, что вопросы влияния и соотношения законности как идеи и правового фундамента и хозяйственного порядка, с учетом политического значения законности для развития экономики и решения социальных проблем, освещались и анализировались в русской юридической литературе еще в конце XIX в.¹⁹ Они совершенно не утратили своей актуальности как для поиска ответов на текущие задачи по углублению и совершенствованию понимания законности и роли права как в обществе, так и для историографического анализа данной проблематики в зарубежной и отечественной литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев В. П.* Борьба за идею законности в Московской Руси. М., 1909.
2. *Вопленко Н. Н.* Социалистическая законность и применение права / под ред. М. И. Байтина. Саратов, 1983.
3. *Гегель Г.* Соч. / под ред. А. Деборина и Д. Рязанова. М. – Л., 1934. С. 23, 24.
4. *Горбань В. С.* Правовое учение Иеринга и его интерпретации. М., 2018.
5. *Горбань В. С.* Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний // Государство и право. 2024. № 7. С. 64–78.
6. *Идея законности* // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1899. № 49 (28 нояб.). Стб. 2299–2306.
7. *Ковалев В. А.* Буржуазная законность: теоретические иллюзии и судебно-полицейская реальность. М., 1986.
8. *Кун Т.* Структура научных революций: сб. / пер. с англ. М., 2003.
9. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа; Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001. Т. 130. С. 153, 154.
10. *Лукашева Е. А.* Правосознание и законность в социалистическом обществе (Идеологические и социально-психологические факторы обеспечения законности): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973.
11. *Нерсесянц В. С.* Философия права. М., 1997.
12. *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности: основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб., 1908. С. 2.
13. *Пиголкин А. С.* Право и законность в советском обществе. М., 1971.
14. *Савенков А. Н.* Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 10.
15. *Синюков В. Н.* Российская правовая система: введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М., 2010. С. 506, 507.
16. Социалистическая законность и государственная дисциплина / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1975.
17. *Шапира С.* Законность / пер. с англ. М., 2021. С. 215, 216, 294, 296.
18. *Шершеневич Г. Ф.* О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Казань, 1897.
19. *Jhering R.* Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / Erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904.
20. *Winckelmann J.* Die Verfassungsrechtliche Unterscheidung von Legitimität und Legalität // Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1956. Vol. 112. No. 1. Pp. 164–175.

REFERENCES

1. *Alekseev V.P.* The struggle for the idea of legality in Moscow Russia. M., 1909 (in Russ.).
2. *Voplenko N.N.* Socialist legality and the application of law / ed. by M.I. Baitin. Saratov, 1983 (in Russ.).
3. *Hegel G.* Essays / ed. by A. Deborin and D. Ryazanov. M. – L., 1934. Pp. 23, 24 (in Russ.).
4. *Gorban V.S.* The legal doctrine of Jering and his interpretations. M., 2018 (in Russ.).
5. *Gorban V.S.* The formation of a modern historiographical model of political and legal knowledge // State and Law. 2024. No. 7. Pp. 64–78 (in Russ.).
6. *The idea of legality* // Law. Weekly legal newspaper. St. Petersburg, 1899. No. 49 (November 28). Stb. 2299–2306 (in Russ.).
7. *Kovalev V.A.* Bourgeois legality: theoretical illusions and judicial-police reality. Moscow, 1986 (in Russ.).
8. *Kun T.* The structure of scientific revolutions: collection / transl. from English. M., 2003 (in Russ.).
9. *Losev A.F.* Dialectic of myth; Supplement to the “Dialectic of myth”. M., 2001. Vol. 130. Pp. 153, 154 (in Russ.).
10. *Lukasheva E.A.* Legal awareness and legality in a socialist society (Ideological and socio-psychological factors of ensuring legality): abstract ... Doctor of Law. M., 1973 (in Russ.).
11. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law. M., 1997 (in Russ.).
12. *Petrazhitzky L.I.* Introduction to the study of law and morality: fundamentals of emotional psychology. 3rd ed. St. Petersburg, 1908. P. 2 (in Russ.).
13. *Pigolkin A.S.* Law and legality in Soviet society. M., 1971 (in Russ.).
14. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024. P. 10 (in Russ.).
15. *Sinyukov V.N.* The Russian legal system an introduction to General theory. 2nd ed., supplement. M., 2010. Pp. 506, 507 (in Russ.).

¹⁹ См.: Идея законности. Стб. 2299–2306.

16. *Socialist legality and state discipline* / ed. by V.N. Kudryavtsev. M., 1975 (in Russ.).
17. *Shapiro S. Legality* / transl. from English. M., 2021. Pp. 215, 216, 294, 296 (in Russ.).
18. *Shershenevich G.F. On the sense of legality: a public lecture delivered on March 10, 1897. Kazan, 1897* (in Russ.).
19. *Jhering R. Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / Erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904.*
20. *Winckelmann J. Die Verfassungsrechtliche Unterscheidung von Legitimität und Legalität // Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1956. Vol. 112. No. 1. Pp. 164–175.*

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Артем Александрович – кандидат юридических наук, директор правового и корпоративного развития АО «НАСК», докторант Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Artyom A. – PhD in Law, Director of Legal and Corporate Development, NASK JSC, Post-Doctoral Student at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia